

опубл.: // Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. С. 70–93.
Переиздание: // Czar and Czardom in the Russian Public Mind: The Perception of the World and Self-consciousness of the Russian Society (Studies in Russian Politics, Sociology and Economics. Vol. 14). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. P. 67–87.

О. Г. Усенко

ОБ ОТНОШЕНИИ НАРОДНЫХ МАСС К ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Вслед за В.И. Лениным стало популярным обозначать народное восприятие верховной власти и её носителя в России XVII–XVIII вв. терминами «наивный монархизм» и «царистские иллюзии». Главными чертами «наивного монархизма» называются следующие: 1) желательное для трудящихся устройство общества не мыслилось ими без института царской власти, 2) «подлинный» монарх воспринимался как народный заступник и гарант справедливости, 3) среди придворных и чиновников усматривались явные или скрытые враги «настоящего» государя, а значит и народа, 4) в некоторых случаях допускалось критиковать правящего монарха, который мог лишиться статуса «истинного государя» и, соответственно, авторитета в народе¹.

Многие историки полагают, что в самой структуре «царистских иллюзий» была заложена возможность их «эрозии», поскольку рождение и закрепление в народном сознании критического отношения к тому или иному правителю должно было подрывать авторитет и самого института царской власти. Причём факторами подобной «эрозии» называются династические кризисы, церковная политика самодержавия, процессы развития крепостничества и усиления феодального гнёта, а её проявлениями – антиправительственная публицистика «староверов», самозванчество и движения социального протеста, связанные с насилием².

В связи с этим большое внимание уделяется царствованию Алексея Михайловича (1645–1676). Сложилось целое направление в историографии, представители которого доказывают, что период его правления стал временем, когда социальные «низы» начали освобождаться

[с. 70]

от «наивного монархизма». Внутри данного направления можно выделить две группы исследователей.

Представители первой группы полагают, что новое – «бестрепетное» – отношение к монарху родилось в народном сознании уже до начала восстания С. Разина. Правда, о причинах и масштабе этого явления говорится по-разному.

Одни авторы убеждены, что уже в первой половине XVII в. «ореол самодержца в определённой степени померк в глазах многих простолюдинов», поскольку чехарда на троне, характерная для Смутного времени, «не могла не повлиять на настроение народа». Помимо этого указывается, что «вообще для казачества было... не свойственно преклонение перед венценосцем». В итоге С. Разин получает следующую характеристику: «царская особа была для него отнюдь не священна»³.

С этими фактически согласны и те исследователи, по мнению которых С. Разин и его ближайшие соратники использовали царистские лозунги лишь в целях агитации и как дань традиции – только для того, чтобы придать видимость законности своим действиям⁴.

Часть авторов утверждает, что «поколебленная вера существующему монарху» стала фактом сознания прежде всего посадского населения; при этом они ссылаются на историю «Соляного» (1648) и «Медного» (1662) бунтов, а говоря о псковском восстании 1650 г.,

доходят до заключения, что его участников отличало «абсолютное неверие существующему монарху». Кроме того, «поколебленную веру» в царя историки находят у донских казаков, принявших участие в походе В. Уса (1666)⁵.

Некоторые исследователи полагают, что разрушение «наивного монархизма» началось именно с похода В. Уса, причём ломка взглядов произошла у большинства донского населения – рядовых казаков, «голутвы» и «новопришлых»⁶.

Существует точка зрения, что начало освобождения народных масс от «царистских иллюзий» относится к концу 60-х гг. XVII в. Фактором этого процесса называется

[с. 71]

движение «староверия»: одни авторы ссылаются на отождествление Алексея Михайловича с Антихристом, которое будто бы стало фактом массового сознания вскоре после церковного собора 1666/67 г.⁷, другие акцентируют внимание на «Соловецком бунте» (1668–1676), который воспринимается как выступление, с момента своего возникновения направленное против самого царя⁸.

Вторая группа исследователей доказывает, что только в ходе крестьянской войны под руководством С. Разина, после боёв с царскими войсками, повстанческое руководство и рядовые восставшие освободились от пиетета к Алексею Михайловичу⁹.

При этом исследователи акцентируют внимание, во-первых, на фактах, которые позволяют говорить о непочтительности С. Разина и его соратников по отношению к царской особе: фиксируются случаи, когда разинцы отказывались подчиниться царским указам и даже уничтожали их; даётся ссылка на рассказ иностранца (Я. Стрейса), согласно которому в 1669 г. Разин, будучи в Астрахани, говорил, что не считается ни с воеводой Прозоровским, ни с самим царём и что вскоре предъявит им свои требования; упоминается убийство разинцами царского посла Г. Евдокимова в апреле 1670 г.; приводится обещание Разина передрапать все дела «вверху у государя» после взятия Москвы.

Во-вторых, исследователи ссылаются на данные источников, которые можно истолковать в том смысле, что разинцы стремились лишить Алексея Михайловича трона: цитируются заявления восставших о том, что среди них находятся царевич Алексей (на самом деле умерший в январе 1670 г.) и опальный патриарх Никон (бывший в то время узником Ферапонтова монастыря на Белоозере); излагается версия анонимного автора-иностранца, по которой царевича Алексея при С. Разине играл пленный черкесский княжич, плывший на судне, обитом красным бархатом; наконец, обращается внимание на то, что восставшие приводили население к присяге на верность С. Разину, царевичу Алексею и патриарху Никону.

[с. 72]

На наш взгляд, вывод об «эрозии» царистских представлений народных масс в период правления Алексея Михайловича выглядит сомнительным. Поскольку истинность каждого высказывания определяется его обоснованием, постольку дискуссии с авторами, чьи взгляды были изложены выше, разумно начать с критического анализа их аргументации. При этом кажется логичным рассматривать приводимые исследователями факты в хронологическом порядке.

Смута начала XVII в., безусловно, оказала влияние на сознание народных масс, однако вряд ли правильно считать, что она породила скептическое отношение к институту царской власти или хотя бы к личностям царя Михаила и его сына Алексея. Ведь в противном случае деятельность и решения Земского собора 1613 г. теряют всякий смысл. Кроме того, анализ

дел по государственным преступлениям первой половины XVII в. показывает, что в народной среде хотя и рождались высказывания, направленные против царя Михаила, однако они не были массовым явлением. То же самое следует сказать и об отношении к Алексею Михайловичу до 1645 г.; более того, в 30-х гг. к наследнику престола были обращены крестьянские надежды на восстановление права «выхода»¹⁰.

Нет никаких оснований говорить и об антимонархическом характере народных выступлений в Москве и Пскове 1648, 1650 и 1662 гг.

«Соляной бунт» вспыхнул после того, как 2 июня 1648 г. посадские люди и стрельцы посчитали, что сам Алексей Михайлович дал им санкцию начать выступление против бояр-«изменников». Вот как это случилось: «...Стрельцы и народ побежали в палату к царю... и пожаловались ему, что люди Морозова на них нападают, и просили от него защиты, грозя, что иначе они сами отомстят Морозову. На это его царское величество с гневом отвечал им: «Раз вы были так сильны и даже сильнее, чем слуги Морозова, почему вы не защитили меня от них? И если слуги Морозова позволили себе слишком

[с. 73]

многое, то отомстите им за себя!». После этих слов вся толпа вместе со стрельцами, по недоразумению полагавшими, что им самим нужно разделаться с Морозовым, бросилась к дому Морозова и принялась его штурмовать».

Конечно, вряд ли царь говорил именно эти слова, но нет сомнения, что смысл его речи в источнике передан верно и что в царских словах восставшие усмотрели прямое указание расправиться с «изменниками». Таковыми считались Б. И. Морозов, Л. С. Плещеев, П. Т. Траханиотов и Н. И. Чистый – потому, что превышали свои полномочия, посягнули на честь, доходы и прерогативы государя. Причём цель этих «насилий и неправд» жители Москвы усматривали в том, чтобы «верховную власть осмеять и оболгать», чтобы настроить народ против царя, а царя – против народа¹¹.

Почву для восстания в Пскове (1650) подготовила молва о том, что шведы снаряжаются на войну с Россией и в сговор с ними вступили псковские управители, разрешившие купцам вывозить хлеб в Швецию, а также бояре из царского окружения во главе с Б. И. Морозовым. Таким образом, выступление было направлено лишь против «изменников».

Характерно, что восстание вспыхнуло под воздействием слухов о том, что государь находится в Польше и велит биться с боярами. Восставшие не сомневались, что царь на их стороне, поэтому вступили в борьбу с правительственными войсками, посланными на усмирение «мятежников», причём эти войска воспринимались как «боярские», т. е. посланные без ведома государя. Характерно и то, что псковичи отказывались верить настоящим царским грамотам. Во-первых, грамоты были присланы из Москвы, а не из Польши, как этого ждали восставшие. Во-вторых, послания призывали прекратить сопротивление и повиниться, что противоречило содержанию слухов. В-третьих, народ считал ближайшим другом царя Н. И. Романова, однако одна из грамот представляла

[с. 74]

его стоящим дальше от государя, нежели ненавистного Б. И. Морозова¹².

Насколько можно судить, исполнителями царской воли видели себя и те участники «Медного бунта» 1662 г., которые не пошли в село Коломенское бить челом царю, а, оставшись в Москве, начали громить дворы «изменников». Горожане были уверены, что медные деньги выпускаются без ведома царя, а это значило, что произошла узурпация одной из царских привилегий – права чеканить монету. Отметим, что погромы в столице начались

ещё до подачи челобитной государю, и начались, по всей видимости, только потому, что горожане были абсолютно уверены в одобрении и поощрении их действий со стороны монарха¹³.

Подобное поведение не должно удивлять, поскольку в России XVII–XVIII вв. часто бывало так, что подача жалобы царю с самого начала сопровождалась насилием в отношении угнетателей, причем насилие не было вызвано появлением карателей. В таких ситуациях сущность выступления по-прежнему заключалась в ожидании царского решения, которое, по мнению «смутьянов», не могло не быть в их пользу. Насилие применялось только к тем лицам, на которых, по мнению народа, скоро и неминуемо обрушится царский гнев. В основе такого поведения лежала вера в царскую справедливость, убежденность в том, что государь обязательно примет сторону народа¹⁴.

Эта убежденность исчезала лишь в том случае, когда монарх, с точки зрения трудящихся, представлял как «ложный» («подменный», «неистинный»). При этом наличие или отсутствие стремления помочь народу было не главным критерием отличия «природного» государя от «ложного».

Если происхождение, обстоятельства восшествия на престол и повседневное поведение монарха не вызывали нареканий в народе, то ему прощалось очень многое. Рост налогов, произвол администрации, тяготы крепостничества – всё это народ объяснял поисками «бояр»

[с. 75]

(придворных и высших чиновников), которые-де обманывают царя и мешают ему править по справедливости¹⁵.

Поэтому нет ничего удивительного, что авторитет Алексея Михайловича до 70-х гг. XVII в. сомнению в народной среде не подвергался, хотя именно в его царствование произошло окончательное оформление крепостного права. Когда же царь Алексей начал-таки восприниматься как «неподлинный» государь, то это было вызвано его активным содействием проведению религиозно-обрядовых реформ патриарха Никона.

Правда, нельзя согласиться с утверждением, что уже в 1667–1668 гг. для крестьян и посадских людей Алексей Михайлович перестал быть «истинным» государем. Во-первых, неправомерно отождествлять взгляды «староверов» с представлениями широких масс крестьянства и горожан. Во-вторых, даже в среде «раскольников» десакрализация монарха началась лишь с 1669 г., причём до середины 70-х гг. этот процесс протекал в сознании главным образом духовенства, к тому же незначительной его части.

Первое «страстное обличение царя» принадлежит протопопу Аввакуму и его соавтору – диакону Феодору, однако, что интересно, оно фигурирует в челобитной, направленной самому Алексею Михайловичу¹⁶. Последний стал в глазах Аввакума еретиком и недостойным правителем лишь незадолго до своей смерти или даже после неё¹⁷.

Что касается «Соловецкого бунта», то он развивался по схеме, типичной для народных волнений в России XVII–XIX вв.

Причиной волнений, как правило, было изменение социального статуса или привычного порядка жизни трудящихся, а первой реакцией на это была подача жалобы царю. Именно апелляция к монарху составляла духовный стержень волнений. Но вот что интересно – с точки зрения трудящихся, сам факт подачи жалобы, даже простое решение отправить челобитчиков давали санкцию на то, чтобы не повиноваться властям и феодалам. С момента

[с. 76]

написания жалобы тот социальный организм, на базе которого зародилось волнение, начинал функционировать как полностью независимый, автономный¹⁸.

Хотя волнения во своей основе были движениями мирного характера, тем не менее весьма часто они сопровождались вооружёнными конфликтами. В большинстве случаев причиной тому были действия властей, которые присылали воинские команды для усмирения недовольных. По меркам народного сознания это было нарушением царской воли. Соответственно появление карателей заставляло трудящихся братья за оружие – и волнение перерастало в бунт¹⁹.

Предыстория «Соловецкого сидения» включает составление нескольких челобитных на имя царя о возврате к «старой вере». Последняя – так называемая «Пятая соловецкая челобитная» – была отправлена в сентябре 1667 г. Вскоре после этого стрелецкие отряды блокировали монастырь и заставили монахов взяться за оружие. Тем не менее осаждённые по-прежнему уповали на благоразумие Алексея Михайловича и ждали положительного ответа из Москвы. Но поскольку его всё не было, «сидельцы» начали склоняться к мысли, что государь окончательно отступил от «истинного православия» и потому недостоин прежнего уважения.

Следует отметить, что эволюция представлений о монархе происходила постепенно: сначала (в 1669 г.) из традиционной молитвы за царя были убраны конкретные имена, взамен которых были вставлены слова о неких «благочестивых князях», и лишь спустя 4 года, в 1673 г., уже официально было принято решение «за великого государя богомолье отставить»²⁰.

Итак, применительно к периоду до 70-х гг. XVII в. нельзя говорить о массовом недоверии к царю Алексею в среде тяглого населения и низшего духовенства. Но, быть может, подобное умонастроение было характерно для донских казаков? По всей видимости, тоже нет.

[с. 77]

Анализ донского фольклора и документальных источников показывает, что, хотя отношение казаков к царю было далеким от слепого обожания, тем не менее авторитет монарха на всем протяжении XVII в. полноправное население Дона сомнению не подвергало²¹. Далее, поход В. Уса, который вместе с голутвенными казаками намеревался бить челом царю о зачислении «на государеву службу» (с целью получить жалованье), не мог подорвать «наивный монархизм» ни у вернувшихся из похода, ни у других жителей Дона. Дело в том, что «государево жалованье» казаки всё же получили, да и наказаны они были не по царскому указу, а по решению войсковой администрации – за то, что ушли с Дона «самовольством»²².

Тенденциозная интерпретация похода В. Уса и его последствий, характерная для ряда авторов, объясняется тем, что это предприятие увязывается с историей второй крестьянской войны в России, среди участников которой исследователи находят носителей антимонархических настроений. Пришло время детального разговора об отношении разинцев к Алексею Михайловичу.

Начнём с того, что поводом выступления донских казаков под предводительством С. Разина был слух о боярском заговоре против царя. С марта 1669 по январь 1670 г. умерли царица Мария Ильинична и два царевича: 16-летний Алексей (наследник престола) и 4-летний Симеон. В народе посчитали, что виной всему бояре-отравители. Поверил в это и С. Разин. И. Марций в своей диссертации писал: «17 января 1670 г. скончался царский сын, ещё в 1667 г. назначенный отцом в престолонаследники; Разин обвиняет в этом бояр..., а себя объявляет мстителем за Алексея Алексеевича»²³. О том, что монарх нуждается в защите, Разин говорил на кругу под Паншиным городком в апреле 1670 г., именно тогда он призвал казаков «итти в Русь против государевых неприятелей и изменников»²⁴.

Анализ источников показывает, что на протяжении всего выступления главным лозунгом был призыв «стоять

[с. 78]

за великого государя». Причём, с точки зрения восставших, присяга царевичу Алексею отнюдь не отменяла обязательств по отношению к его отцу. Наоборот, отказ от неё служил доказательством «измены» самому государю²⁵.

В источниках имеются прямые доказательства того, что С. Разин и его окружение уважали царя не на словах (как пишут некоторые авторы), а на деле. Так, после захвата Астрахани «он же, вор Стенька, на имянины благоверного государя царевича и великого князя Фёдора Алексеевича был в гостях у митрополита, а с ним было ясаулов и казаков человек со 100 и больше»²⁶. Согласно анонимному «Сообщению», опубликованному за границей в 1671 г., арестованный С. Разин по пути в Москву «был обольщаем надеждой, что будет говорить с самим великим государем и перед ним изустно защитит дело своё: Стеньке всегда казалось, что ему многое что надобно сказать государю, а тому важно сие знать»²⁷.

Кроме того, повстанцы были уверены, что С. Разин ведёт их на Москву не по собственной прихоти, а «по государеву указу». Донские казаки, взявшие Острогожск, предъявили подьячему М. Жуковцову некий «лист», сказав, «что де им... дал тот лист... Стенька Разин. А к нему де... будто прислана... великого государя грамота, а велел де он, Стенька, по тому листу вольных людей прибрать и в Руси выводить начальных людей и ушников». В «прелестном письме» атамана Л. Черкашенина от 15 октября 1670 г. сообщалось: «...По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и по грамоте ево, великого государя, вышли мы, великое войско Донское, з Дону Донцом ему, великому государю, на службу, потому что у него, великого государя, царевичев не стала и от них, изменников бояр»²⁸.

Совсем не обязательно видеть в этом лукавство, мистификацию со стороны восставших. Они сами могли стать жертвами обмана – получить подложный указ и поверить ему. А такое было вполне возможно. К примеру, в 1683 г. пришлый монах говорил в Черкасске, что

[с. 79]

царя Ивана Алексеевича «на Москве бояря не почитают, извести хотят». При этом он вручил войсковому кругу «великого государя грамоту, чтоб донские казаки шли к Москве. И донские де казаки хотели иттить...». Войсковому атаману и старшинам пришлось приложить большие усилия, чтобы унять казаков²⁹.

Напрашивается вывод, что весной 1670 г. С. Разин в самом деле получил какой-то документ, который он принял за царский указ. Этот указ мог быть прислан вместе с письмом, написанным якобы лично патриархом Никоном. Повстанцы говорили: «Никон де патриарх к Стеньке Разину на Дон писал, чтобы он, Стенька, собрался с воровскими казаками, шол на бояр к Москве, а ево де, Никона, бояря согнали с Москвы напрасно». Причём в сознании восставших «сгон» патриарха увязывался с началом выступления: «А на што де было ево, Никона, с Москвы изгонять; как де бы ево не изгоняли, и от Стеньки бы Разина такие смуты и не было»³⁰.

Не исключено, что псевдопатриаршее послание привёз на Дон чёрный поп Феодосий, который некогда находился при Никоне (в бытность того патриархом), а весной 1670 г. стал духовным отцом Разина. «И тот де старец всякие воровские замыслы Стеньки Разина ведал... и по Черкасскому городку с ним, Стенькой, хаживал с кинжалы, и которые люди к воровству не приставали, и тем многие пакости и поругания чинил»³¹.

Наконец, нужно отметить, что в конце августа – начале сентября 1670 г. среди восставших находился некий «старец от Никона». Сей посланник передал Разину, «чтоб ему итти вверх Волгою, а он, Никон, с свою сторону пойдёт для того, что ему тошно от бояр; да бояря же переводят государские семена». Скорее всего, «старец» не был подставным лицом Разина. В противном случае глава повстанцев не устроил бы ему под Симбирском, так сказать, «проверку кровью». Источник сообщает: «И тот старец на бою был, исколол своими руками сына боярского при нём, Стеньке»³².

[с. 80]

Теперь, когда мы знаем, что разинцы против монарха открыто не выступали, поговорим об их отношении к царским грамотам. Если посмотреть внимательно, то окажется, что недоверие вызывали прежде всего те документы, которые воспринимались как поддельные, «боярские». Основанием для такой оценки могло быть, во-первых, содержание грамоты, а именно его несоответствие представлениям и ожиданиям восставших. Поскольку царь в сознании трудящихся представал защитником их интересов, поскольку восставшие считали, что действуют во благо монарха, постольку нет ничего удивительного, что с указами, требующими от повстанцев прекратить борьбу и называющими их «ворами», разинцы поступали как с фальшивками³³.

Кстати, нечто подобное мы уже видели на примере псковского восстания 1650 г. Аналогичные примеры содержит история социального протеста и более позднего времени³⁴. Характерным выглядит следующий случай, имевший место в ходе крестьянской войны 1773–1775 гг. Восставшие крестьяне прочитали полученный от воинской команды манифест Екатерины II, но вместо того, чтобы повиниться, «ответствовали только з бранью, что их манифесты правее, и начали стрелять из пушек»³⁵.

Во-вторых, надо учитывать, что разинцы чаще всего имели дело не с подлинниками царских грамот, но с их копиями («списками»), на которых отсутствовала печать из красного воска. Между тем наличие такой печати было очень важным, если не главным, доказательством подлинности царского указа. Не случайно, что подобным образом удостоверялись грамоты и Лжедмитрия II, и Е. Пугачёва³⁶.

Взгляды разинцев ярко иллюстрирует следующий эпизод. В апреле 1671 г. астраханцы получили царскую грамоту с призывом сдать город. Осаждённые отреагировали так: «Вольно де писать им, бояром, и самим; коли бы де была государева грамота, ино б де была за красною печатью...». Астраханский митрополит Иосиф был казнён

[с. 81]

восставшими именно потому, что ему вменялась подделка царских указов³⁷. Правда, в конце концов до астраханцев дошли-таки оригиналы высочайших грамот, и когда мятежники убедились в их подлинности, они вняли призыву сложить оружие и повиниться³⁸. Характерно, что подобным же образом (сдачей города после получения подлинников царских указов с увещеваниями) закончилось и астраханское восстание 1705–1706 гг., и московское восстание 1682 г.³⁹

При ближайшем рассмотрении теряют свою доказательность и другие примеры непочтительного, по мнению исследователей, отношения разинцев к монарху.

Намерение «передрать дела» в царском дворце приписано С. Разину чисто по ошибке. На самом деле автором столь полюбившихся историкам слов был астраханский стрелец Ф. Андреев. Судя по доносу, он однажды заявил: «Батько де их, воров,... Стенька Разин, не токмо в Астрахани в приказной палате дела велел драть, и вверху де у государя дела все

передерёт». Впрочем, сомнительно, что Ф. Андреев эти слова действительно говорил, так как он отрицал всё даже под пытками⁴⁰. Но если эти слова и произносились, то были направлены против бояр и приказных людей, поскольку «дела» ведались именно чиновниками, а не царём.

Доказательством по аналогии может служить пример из истории московского восстания 1682 г. Повстанцы уничтожили дела в Стрелецком приказе, но никоим образом не вкладывали в это деяние антимонархического смысла⁴¹.

Скорее всего, последняя фраза в речах Ф. Андреева не имеет отношения к планам С. Разина: она выражает либо мечту рассказчика, либо мнение доносителя или записавшего извет следователя. При расследования государственных преступлений довольно часто бывало так, что слова обвиняемого получали тенденциозную интерпретацию или даже искажались.

Взять, например, «Статейный список о привозе в Москву и о казни самозванца Воробьёва, называвшегося

[с. 82]

царевичем Симеоном Алексеевичем» (сентябрь 1674 г.). Документ содержит пересказ «распросных речей» самозванца, и согласно этому пересказу, «родом он Поляк, Ивашко Андреев сын, прозвище Воробьёв; а отец его Андрюшка был мещанин...». В действительности же обвиняемый звался Семёном Ивановичем; это его отец был «Ивашко Андреев сын»⁴².

По всей видимости, неправомерно приписаны С. Разину и слова о том, что он относится к царю так же, как и к астраханскому воеводе – своему обидчику. Во-первых, эта тирада* дошла до нас в двойном переложении: её содержание излагает в своих записках Я. Стрейс, но сам он узнал о выходе Разина от полковника Ведероса. Вполне можно допустить искажение разинской речи в процессе пересказа.

Во-вторых, искажение могло быть вызвано и «сшибкой» двух менталитетов. Внимательное прочтение известия Я. Стрейса подводит к выводу, что возмущение Разина было направлено лишь против Прозоровского, а упоминание царя выглядит случайной вставкой. Если Разин и собирался «предъявить свои требования» кому-нибудь

* Полковник Ведерос передал Разину приказ воеводы о возвращении астраханцев, ушедших с казаками, «но Разин не хотел ничего слышать об этом приказе, нетерпеливо перебил его непристойными речами и ещё немного и он разрубил бы саблей голову несчастного посланника. Однако гнев и ярость его вылились в кощунствах, проклятиях и неистовстве, и он говорил: «Как смеют приносить мне такие нечестные требования? Должен я предать своих друзей и тех, кто последовал за мной из любви и преданности? Меня ещё понуждают к тому немилостью? Добро же, передай твоему начальнику Прозоровскому, что я не считаюсь ни с ним, ни с царём, что в скором времени явлюсь к ним предъявить свои требования, чтобы этот малодушный и трусливый человек, который теперь кичится и хвастается своей двойной властью, не смел так разговаривать и повелевать и делать мне предписания, как своему крепостному, когда я рождён свободным и у меня больше силы, чем у него. Пусть стыд выест ему глаза за то, что он меня встретил без малейших почестей как ничтожного человека» и т. д. и ещё много других упреков»⁴³.

[с. 83]

ещё помимо воеводы, то наверняка он имел в виду придворных. Достаточно вспомнить о русской народной традиции противопоставлять «хорошего» царя «плохим» боярам. Однако для иностранцев, чуждых этой традиции, отделение придворных от монарха было, очевидно, неестественным и невозможным, поэтому угрозы атамана они адресовали также и царю.

Что касается убийства царского посла Г. Евдокимова, то оно увязывалось Разиным не с оскорблением государя, а, напротив, с его защитой от бояр-«изменников». Евдокимов был воспринят как боярский «лазутчик» и именно поэтому убит⁴⁴. Всему виной была необычность его посольства, которая на фоне слухов об «измене» в царском дворце порождала недоверие к Евдокимову. Во-первых, его посольство было отправлено на Дон в неурочное время – в марте (обычно делегации на юг посылались позже). Во-вторых, странен был маршрут его следования: вместо того, чтобы, как обычно, ехать через Воронеж, Г. Евдокимов отправился кружным путем через Валуйки и степь. В-третьих, по приезде он сразу явился на войсковой круг, даже для проформы не потребовав, чтобы сами казаки пришли к нему на стан для чтения царской грамоты (подобные требования государевы послы выдвигали до этого постоянно)⁴⁵.

Главным аргументом для тех, кто убежден, будто С. Разин хладнокровно манипулировал царистскими взглядами народных масс, будучи сам свободным от «наивного монархизма», является свидетельство иностранца-анонима о двух судах во флоте повстанцев, на которых якобы плыли патриарх Никон и царевич Алексей. Согласно источнику, одно судно было «всё выложено изнутри красным бархатом, и Стенька известил всех, что на судне том находится... царевич Алексей Алексеевич... С превеликой дерзостью Стенька объявил, будто царевич жив и бежал к нему. И чтобы приукрасить свою ложь, держал на судне том отрока лет 16, потомка одного из пятигорских черкесских князей, которого захватил в

[с. 84]

плен, когда прежде разбойничал. Сей юный князь получил теперь прощение от великого государя... и ныне проживает он в Москве...»⁴⁶.

Данное сообщение заслуживает доверия только частично – в том смысле, что С. Разин действительно мог приготовить специальные суда для патриарха и царевича и на одном из них держать пленного черкесского княжича. Но вряд ли среди восставших был некто, выдававший себя за Никона. Об этом нет упоминаний ни в одном источнике. К тому же И. Марций в своей диссертации (1674 г.) сообщает: «...Было у Разина судно, на котором имелось изображение патриарха, как бы присутствующего здесь». В другом месте автор ещё раз уточняет, что на уготованном Никону корабле «находилось подобие патриарха»⁴⁷.

Далее, молва о том, что вместе с повстанцами плывёт опальный патриарх, опиралась не на свидетельства очевидцев, а на превратно понятую агитацию восставших. Так, в сентябре 1670 г. какой-то крестьянин сообщил острогожскому полковнику И. Дзиньковскому, что за донскими казаками следуют князь С. Львов и патриарх Никон. Откуда же крестьянин узнал об этом? Оказывается, он присутствовал при публичном чтении писем, адресованных С. Разину и написанных, как объявлялось, князем и патриархом⁴⁸.

Теперь о корабле, обитом красным бархатом, – на нём действительно мог плыть самозванец, которого С. Разин и его окружение почитали как царевича Алексея. Вопрос лишь в том, известно ли было восставшим, что перед ними не настоящий государь.

По всей видимости, инициатором появления самозванца (то есть главным обманщиком) вряд ли следует считать С. Разина. К такому выводу подводят уже заключения чисто логического характера. Если известно, что толчком к восстанию послужило известие о смерти царевича Алексея – известие, которому казаки поверили, если доказано, что восставшие против царя открыто не выступали, то становится непонятно, как Разин и его сподвижники

[с. 85]

могли лгать, утверждая, что царевич жив, находится у них, и при этом надеяться на успех выступления. Ведь рано или поздно им пришлось бы держать ответ перед царём за столь кощунственный обман. К тому же очевидно: если бы разинцы использовали имя царевича лишь для получения поддержки в среде податного населения, то они с самого начала заявили бы о чудесном спасении наследника престола и о его пребывании среди повстанцев. Между тем первые заявления подобного рода относятся лишь к концу августа 1670 г.⁴⁹

Не выдерживает критики и утверждение, будто роль царевича играл пленный черкесский княжич. Во-первых, о подлоге обязательно стало бы известно – например, от участников пленения княжича (ведь о самом пленении мы всё-таки знаем). Следовательно, в конце концов махинация С. Разина, будь она вообще, непременно получила бы огласку. Правительство уж точно не преминуло бы воспользоваться такой важной информацией для идеологической борьбы с восставшими. Однако никаких разоблачений источники не содержат: правительство не знало, кем был самозванец.

Во-вторых, можно, конечно, допустить, что разинцы, захватившие в плен черкесского княжича, получили приказ молчать, когда их руководитель решил выдать пленника за царевича Алексея. Но в таком случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда простолюдины поддерживают явного самозванца в расчёте использовать его для достижения каких-то личных целей. Между тем анализ российского самозванчества XVII–XVIII вв. показывает, что подобное было невозможно: «наивный монархизм» трудящихся был не базой, а препятствием для поддержки заведомых самозванцев; даже ближайшее окружение самозванного претендента на царский трон должно было пребывать в уверенности, что служит «подлинному» государю⁵⁰.

В-третьих, нельзя признать удачной попытку историков отождествить «юного князя» с Андреем Черкасским, сыном кабардинского мурзы Камбулата Пшимаховича⁵¹.

[с. 86]

Действительно, Андрей был взят в плен разинцами, но это произошло при штурме Астрахани в 1670 г. Источник же сообщает, что княжич был захвачен, когда С. Разин «прежде разбойничал», то есть во время персидского похода. А главное – в тексте упоминается, что «юный князь» получил прощение от царя. Однако известно, что в июне 1671 г. вслед за главарём восставших казнили также «молодого человека, которого Стенька Разин выдавал за старшего царевича»⁵².

Нельзя признать близким к истине и утверждение С. М. Соловьёва, будто роль царевича играл разинский атаман Максим Осипов. Исследователь пришёл к этому заключению лишь на основании того, что боевым кличем повстанцев из отряда М. Осипова было прозвище самозванца – «Нечай»⁵³. Между тем источники позволяют сделать вывод, что подобный клич употребляли если не все восставшие, то по крайней мере члены разных отрядов⁵⁴. Кроме того, известно, что М. Осипов был схвачен властями в июле 1671 г., то есть уже после казни самозванного царевича Алексея⁵⁵.

Кстати, смысл, который вкладывали восставшие в своей боевой клич, иностранный автор-аноним объясняет так: «Девизом их было слово «нечай», т.е. нечаянный, сие было намёком на то, что царевич Алексей Алексеевич как бы сошёл к ним с неба неожиданно-негаданно». Это объяснение подтверждается показаниями попа И. Алексеева, который в октябре 1670 г. в Кожуховской волости Нижегородского уезда слышал, как повстанцы говорили крестьянам: «А то де у нас и ясак «нечай», что вы не чаєте царевича, и вы де чайте»⁵⁶.

Таким образом, и С. Разин, и его окружение, и рядовые участники второй крестьянской войны были искренне убеждены в том, что среди них на самом деле находится наследник престола. По всей видимости, самозванец, чьё настоящее имя и происхождение, увы, нам не

известны, «объявился» повстанцам по собственной инициативе. Это случилось, видимо, в августе 1670 г., после того, как

[с. 87]

повстанческое войско покинуло Самару и направилось к Симбирску⁵⁷.

Остаётся разобрать ещё одно свидетельство, которое при неверном прочтении может быть воспринято как опровержение нашего вывода о том, что С. Разин вдохновителем самозванства не был. Имеется в виду донос на уже известного нам С. И. Воробьёва, выдававшего себя за царевича Симеона и пришедшего к запорожским казакам в ноябре 1673 г. Согласно источнику, самозванец «объявлял про себя, что он у вора... Стеньки Разина был тайно и во время его, Стенькина, воровства был с ним такой же вор и самозванец по его, Стенькину, научению»⁵⁸.

Слова о «научении» со стороны Разина совсем не обязательно понимать как подговор на самозванство. Во-первых, источники по истории второй крестьянской войны не содержат никаких данных о присутствии среди восставших «царевича Симеона». А учить самозванца только для того, чтобы скрывать его ото всех, – какой-то нонсенс. И действительно, Воробьёв на допросе поведал, что в повстанческом войске он был кашеваром под именем Матюшка и лишь незадолго до ареста С. Разина «открылся» ему (то есть назвал себя Симеоном). Более никто об этой тайне из участников крестьянской войны не знал⁵⁹.

Во-вторых, отметим, что царские посланники, прибывшие в Сечь, ещё до знакомства с С. Воробьёвым называли его «учеником Стеньки Разина». Очевидно, это давало им дополнительное основание требовать от запорожцев передачи лжецаревича властям, поскольку напоминало о беспрецедентном решении донских казаков, которые, схватив С. Разина, согласились нарушить старинное правило «С Дона выдачи нет». Аналогичный запрет в Сечи пока не нарушался, поэтому правительство в начале 1674 г. и обращало внимание запорожцев на «воровское» прошлое Воробьёва, пытаясь лишить его поддержки. В конце концов и запорожские казаки пошли на то, чтобы нарушить свою традицию не выдавать никого властям.

[с. 88]

Обращение к архивным документам показывает, что приведенная выше цитата по содержанию разнородна: в ней неудачно соединены изложение слов С. И. Воробьёва о его тайном пребывании в разинском войске и напоминание со стороны царских послов о «таком же воре», которого якобы С. Разин подучил взять имя царевича Алексея⁶⁰.

Кстати, поддержка сечевиками самозванца никоим образом не увязывалась ими с недоверием Алексею Михайловичу, а уж тем более не подразумевала выступление против монарха. «...По поводу требования царских послов о выдаче вора на раде приговорили так: царевича царским послам отдавать нельзя. Узнаем прежде, точно ли он прямой царский сын. Буде окажется он прямой, мы его отвезём и будет за то нам награда, а если царь скажет, что он не прямой, то всё-таки мы его сами отвезём, а посланцам отдавать не станем, потому что у нас никогда никого из Запорожья не выдавали. Другие же говорили: коли наши посланцы доведаются, что он не прямой, то мы его здесь на Коше совершим, чтобы впредь таких воров у нас на Сече не было»⁶¹.

Важным свидетельством уважительного отношения народных масс к Алексею Михайловичу является тот факт, что помимо «царевича Алексея» и С. Воробьёва на территории Российского государства в 1645–1676 гг. действовали всего два самозванца, причём ни один из них не сумел сколотить себе группу сторонников⁶².

Итак, авторитет Алексея Михайловича как «природного» монарха в народной среде оставался незыблемым на всём протяжении его правления. Уважительного отношения трудящихся к царю не смогли поколебать ни процессы усиления феодального гнёта, ни изменения в политическом строе России, ни окончательное оформление крепостного права. Только среди «староверов», и то лишь после 1670 г., зародилось неприятие Алексея Михайловича как человека и правителя. Однако при его жизни это явление не успело приобрести массового характера.

[с. 89]

¹ См.: *Мавродин В. В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // ВИ. 1961. № 5, С. 45; *Крестьянская война в России в 1773–1775 годах: Восстание Пугачёва.* Л., 1966. Т. 2. С. 413; *Домановский Л. В.* Народное потаённое творчество // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 257–258; *Фёдоров В. А.* К вопросу об идеологии крепостного крестьянства // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Смоленск, 1972. С. 146–148; *Покровский Н. Н.* Правовое регулирование крестьянского общественного сознания абсолютистским государством // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 87–88; *Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 242, 244, 268; *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* М., 1986. Т. 3. С. 446, 533.

² *Штраух А. Н.* Стрелецкий бунт 1682 г. // Научн. тр. Индустриально-Педагогического ин-та им. К. Либкнехта: Соц.-эконом. серия. М., 1928. Вып. 1. С. 39–40; *Пронштейн А. П.* Об идеологии восставших во время крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д., 1967. С. 63–64; *Троицкий С. М.* Самозванцы в России XVII–XVIII веков // ВИ. 1969. № 3. С. 146; *Домановский Л. В.* Указ. соч. С. 265–266; *Катунский А. Е.* Старообрядчество. М., 1972. С. 22–25; *Рогов А. И.* Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. // ВИ. 1973. № 4. С. 41–42; *Буганов В. И.* Об идеологии участников крестьянских войн в России // ВИ. 1974. № 1. С. 59; *Буров А. Н., Наберухин А. И.* Самозванчество и царистские иллюзии в классовой борьбе XVII–XVIII веков в России // Вестник Калмыцкого НИИ языка, лит-ры и истории: Сер. историческая. Элиста, 1974. № 11. С. 168–174; *Матвиевский П. Е.* Типические черты примитивного демократизма в быту и сознании крестьянства XVII–XVIII веков // Героические страницы истории народов нашей Родины. Челябинск, 1976. С. 57–59; *Карцов В. Г.* Разинцы и раскольники // ВИ. 1977. № 3. С. 122; *Гурьянова Н. С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма: Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. С. 10–11, 15.

³ *Чистякова Е. В., Соловьёв В. М.* Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 35.

⁴ *Мавродин В. В.* Указ. соч. С. 45; *Буганов В. И., Чистякова Е. В.* О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // ВИ. 1968. № 7. С. 38, 45; *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 139.

⁵ *Буров А. Н., Наберухин А. И.* Указ. соч. С. 173.

⁶ *Пронштейн А. П.* Решённые и нерешённые вопросы истории крестьянских войн в России // ВИ. 1967. № 7. С. 157;

[с. 90]

Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 96–98, 108.

- ⁷ Анкудинова Л. Е. Общественно-политические взгляды первых раскольников и народные массы // Уч. зап. ЛГУ: Сер. истор. наук. 1959. Вып. 32. № 270. С. 75–76; Рогов А. И. Указ. соч. С. 41; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 7.
- ⁸ Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Народные движения в России XVII–XVIII вв. и абсолютизм // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 65; История СССР с древнейших времён до наших дней. Первая серия. М., 1967. Т. 3. С. 106–107; Карцов В. Г. Указ. соч. С. 124; Его же. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Калинин, 1971. Ч. 1. С. 83–84.
- ⁹ Пичета В. И. История крестьянских волнений в России. Минск, 1923. С. 34–38; Степанов И. В. Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Л., 1972. Т. 2. Ч. 1. С. 20, 93, 133; Маньков А. Г. Круги в Разинском войске и вопрос о путях и целях его движения // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 267. Примеч. 9; Смирнов И. И. и др. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 140, 147; Сахаров А. Н. Степан Разин – предводитель Крестьянской войны // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 163.
- ¹⁰ См.: Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы. М., 1911. Т. 1. № 22, 57, 60, 61, 160, 255.
- ¹¹ Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936. С. 46–48, 55.
- ¹² См.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 53–54, 67–68, 70, 75, 104, 106, 145–147.
- ¹³ См.: Восстание 1662 г. в Москве. М., 1964. С. 53, 91, 150–165.
- ¹⁴ См., например: Покровский Н. Н. Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 82–88, 251.
- ¹⁵ См.: Восстание И. Болотникова. М., 1959. С. 225; Крестьянская война под предводительством Степана Разина (далее – КВСР). М., 1954. Т. 1. С. 236; Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений: 1773–1774 гг. М., 1975. С. 271. № 341.
- ¹⁶ См.: Поньрко Н. В. Дьякон Феодор – соавтор протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 262–265; Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 93–98.
- ¹⁷ См.: Житие Аввакума... С. 150, 337; Малышев В. И. Два неизвестных письма протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 420; Румянцева В. С. Огнепальный Аввакум // ВИ. 1972. № 11. С. 124–125.
- ¹⁸ Кавтарадзе Г. А. Крестьянский «мир» и царская власть в сознании помещичьих крестьян (конец XVIII в. – 1861 г.): Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. Л., 1972. С. 7–8.

[с. 91]

-
- ¹⁹ См.: Горская Н. А. Тенденции классовой борьбы крестьян в конце XVII в. // ВИ. 1981. № 9. С. 28–29, 38–40; Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 255, 296, 299–301; Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966. С. 115–120, 157; Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924. С. 66.
- ²⁰ См.: Савич А. А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. Пермь, 1927. С. 263–266, 270–274; Чумичева О. В. Страницы истории Соловецкого восстания (1666–1676 гг.) // История СССР. 1990. № 1. С. 171–173; Бубнов Н. Ю. Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. Л., 1984. С. 42–45.
- ²¹ См.: Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1995. Ч. 2. С. 13–15, 56–57; Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 43–45, 63, 147–153, 183–201; Сватиков С. Г. Указ. соч. С. 52–66, 71–90, 108–113, 123–125.
- ²² См.: КВСР. Т. 1. С. 35, 37, 40–41, 69.
- ²³ Иностраннные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С. 67.
- ²⁴ КВСР. Т. 1. С. 235, 279–280.
- ²⁵ Там же. Т. 1. С. 183, 252–253; М., 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 52, 65, 91, 141, 203, 214; М., 1959. Т. 2. Ч. 2. С. 36; М., 1962. Т. 3. С. 79, 258.
- ²⁶ Там же. Т. 1. С. 252.

- ²⁷ Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968. С. 113.
- ²⁸ КВСР. Т. 2. Ч. 2. С. 20, 74. См. также: Записки иностранцев... С. 118; Иностранные известия... С. 121.
- ²⁹ Восстание в Москве 1682 года. М., 1976. С. 27; *Сватиков С. Г.* Указ. соч. С. 125.
- ³⁰ КВСР. Т. 2. Ч. 1. С. 31, 44.
- ³¹ Там же. Т. 3. С. 172–173, 177.
- ³² Там же. С. 81, 356. См. также: *Тхоржевский С. И.* Стенька Разин. Пг., 1923. С. 84.
- ³³ См.: КВСР. Т. 1. С. 132, 249; Т. 2. Ч. 1. С. 116, 149; Ч. 2. С. 99; 157; Т. 3. С. 214, 251.
- ³⁴ См.: *Покровский Н. Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 74.
- ³⁵ Цит. по: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачёва. М., 1980. С. 94.
- ³⁶ См.: *Корецкий В. И.* К истории восстания И. И. Болотникова // Истор. архив. 1956. № 2. С. 129; Документы ставки Е. И. Пугачёва... № 32–35, 44–45.
- ³⁷ КВСР. Т. 3. С. 214–215, 217.
- ³⁸ Там же. С. 184.
- ³⁹ См.: *Голикова Н. Б.* Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975. С. 235, 264–265, 301; Восстание в Москве 1682 года. С. 156–157.
- ⁴⁰ КВСР. Т. 3. С. 261.

[с. 92]

- ⁴¹ См.: Восстание в Москве 1682 года. С. 38, 48.
- ⁴² Ср.: Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1842. Т. 4. С. 529; *Соловьёв С. М.* Соч. М., 1991. Кн. 6. С. 455; *Костомаров Н. И.* Самозванец Лже-Симеон // Истор. вестник. 1880. Т. 1. С. 21.
- ⁴³ *Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. С. 203.
- ⁴⁴ См.: КВСР. Т. 1. С. 164–165.
- ⁴⁵ *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Указ. соч. С. 132–133.
- ⁴⁶ Записки иностранцев... С. 111.
- ⁴⁷ Иностранные известия... С. 66, 70.
- ⁴⁸ КВСР. Т. 2. Ч. 2. С. 25, 46.
- ⁴⁹ См.: Там же. Т. 2. Ч. 1. С. 141, 203, 341; Т. 3. С. 86.
- ⁵⁰ См.: *Усенко О. Г.* Указ. соч. Тверь, 1996. Ч. 3. С. 36–52; *Его же.* Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57.
- ⁵¹ См.: *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 139; *Чистякова Е. В., Соловьёв В. М.* Указ. соч. С. 55; Записки иностранцев... С. 123. Примеч. 19.
- ⁵² *Койэт Б.* Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 446. См. также: Иностранные известия... С. 123.
- ⁵³ *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 299.
- ⁵⁴ См.: КВСР. Т. 2. Ч. 1. С. 149, 152; Ч. 2. С. 154; Т. 3. С. 73.
- ⁵⁵ Там же. Т. 3. С. 138.
- ⁵⁶ Записки иностранцев... С. 113; КВСР. Т. 2. Ч. 1. С. 149.
- ⁵⁷ См.: КВСР. Т. 2. Ч. 1. С. 341.
- ⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 326.
- ⁵⁹ См.: *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 440–446; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 1–25.
- ⁶⁰ См.: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1673 г. Ед. хр. 40. Л. 81.
- ⁶¹ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 18.
- ⁶² См.: *Думин С.* Царица Марина // Родина. 1994. № 5. С. 55; *Соловьёв С. М.* Указ. соч. М., 1991. Кн. 7. С. 128–129.

[с. 93]
